
ПСИХОЛОГИЯ ВЫСШИХ УСТРЕМЛЕНИЙ

Т.Н. Березина

КРИТЕРИИ ДОБРА В ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Рассматривается категория добра в психологии и гуманитарных науках, отмечается недостаточная её разработанность по отношению к противоположным понятиям негативного плана, утверждается, что причиной этого выступает сложность явления добра. Предполагается, что категория добра в психике человека может существовать в виде невербального сложного образа высшего порядка, входящего в состав надсознательного. Аналогичным образом в психике человека представлены явления «интеллекта» и ряд других. В качестве методологии для исследования сложных психических явлений рассматривается концепция социальных (обыденных) представлений.

Целью статьи является анализ обыденных представлений студентов о добром человеке и выделение критериев, которыми пользуются испытуемые для вынесения суждения о других людях. На основании анализа выделено четыре критерия. Добро-деятельность – как деяние добра в адрес самого человека, выносящего суждение. Добрососедство – косвенный критерий, о доброте человека судят по его поступкам в отношении третьих лиц. Добродушие – личностный критерий, о доброте человека судят не по поступкам, а наличию позитивных черт личности (эмпатии, сочувствию). Добро-совестливость – о доброте судят по наличию у человека совести и по переживаниям мук совести за негативные поступки.

Ключевые слова: психология добра, доброта, добро, социальные представления, обыденные представления, невербальные эталоны, добро-деятельность, добрососедство, добродушие, совестливость.

Review. The article is devoted to the category of the good in psychology and humanities. In her research Berezina states that this is a rather understudied topic compared to the category of the evil and explains that this is because the good is a complex phenomenon. It is assumed that in human mind the category of the good can exist in the form of a nonverbal image of the highest order constituting the 'over consciousness'. Intellect and a number of other phenomena are likewise represented in human mind. The methodology that is used to study complex mental phenomena is based on the concept of social (ordinary) representations. The purpose of the article is to analyze students' ordinary representations of the good man as well as to define criteria that are used by the respondents to develop a positive judgement of other people. As a result, Berezina defines the following four criteria. 'Good activity' is the commission of a good act towards someone who makes a judgement. 'Good fellowship' is an indirect criterion when someone is thought to be a good and kind person based on his/her behavior towards the third persons. 'Good nature' is a personal criterion when someone is thought to be kind judging from his/her positive qualities such as empathy and compassion rather than his/her behavior. 'Good conscience' is when someone is considered to be a kind person because he or she has a sense of conscience and regrets committing negative actions.

Keywords: nonverbal standards, ordinary representations, social representations, the good, kindness, psychology of the good, good activity, good fellowship, good nature, good conscience.

Категория «добра» в психологии разработана явно недостаточно, особенно по сравнению с противоположными ей категориями: комплексами, неврозами, психозами, психическими травмами, асоциальным поведением, склонностью к преступлениям и т.п. Как мы отмечали ранее, добро изучать трудно, оно сложнее,

сложнее настолько негативных проявлений человеческой психики, что его просто трудно охватить взором, оно больше поля зрения индивидуального интеллекта. И такая сложность добра чаще всего приводит к тому, что исследователь просто не знает, что писать. И это относится не только к психологии, но и к другим гуманитарным обла-

стям знаний, к искусству. Рассмотрим положение дел с литературой. Большое количество жанров искусства посвящены описанию зла: детективные романы, в которых описываются преступления против человеческих законов, романы – триллеры, в которых представлены не просто преступления, а извращения человеческой психики, ведущие к нарушению не только социальных норм, но и биологической сущности человека, романы ужасов – где зло приобретает мистические черты. Литературы о добре значительно меньше, и она менее популярна. Отсюда получается, что зло привлекательней и интересней добра, пусть она не лучше, но разнообразней. Как мы полагаем, это происходит не потому, что добро хуже, или неинтересней, просто добро сложнее, и в силу этого, мы о нём почти ничего не знаем.

Проведённый нами ранее анализ научных и художественных произведений показал, что при современном уровне рефлексии очень трудно, почти невозможно, дать определение добра, как и других понятий с ним связанных (Березина, 2007). Некоторые психологи предлагают вообще исключить проблему изучения Добра из предметной области психологии. Как писал, например, Б.С. Братусь: «Иное дело – высшие проявления души, душа во втором понимании, дух, который – и это надо ещё раз сказать твёрдо – был и будет оставаться вне досягания психологическими методами. /.../ Религия отражает вертикальную устремленность человека к высшему началу и в этом плане отвечает его насущной потребности поиска смысла жизни, неумирающего, неустранимого фактом физической смерти. Научная психология занята, по преимуществу, горизонтальной плоскостью – человеком как конкретным деятелем во времени и в пространстве» [1, с. 75, 78]. Однако особенность науки заключается в том, что она не может оставлять неизвестные предметные области за бортом своего внимания, просто повесив ярлык «невозможно».

Чаще всего в современных гуманитарных исследованиях проблему Добра поднимают или в связи с духовным поиском человека, или в аспекте развития человеческих взаимоотношений.

Наиболее традиционным является рассматривать стремление человека к Добру в аспекте его духовности, при этом иногда духовность приравнивается к религиозности, иногда рассматривается абсолютно в светском ключе, например, в концепции В.Д. Шадрикова духовность рассматривается как способность равноположенная другим

способностям в аспекте духовных способностей. «Духовные способности уходят своими корнями в духовную сущность народа, осмысленную, соотносимую с религиозным мировосприятием. Духовные способности проявляются в художественных творениях и литературе, в деяниях мудрецов и пророков. Если в историческом движении мы выделяем природные и духовные способности, то в индивидуальном развитии духовные способности формируются на основе природных, отражая духовную сущность народа, систему ценностей, значения и личностных смыслов» [2, с. 185].

Но всё-таки многие русские философы часто связывали стремление человека к Добру с духовностью именно в аспекте религиозности. Например, Н.А. Бердяев отмечал, что дух не детерминирован природным миром и есть прорыв в нем. Через дух человек есть образ и подобие Божье. Дух есть божественный элемент в человеке [3]. Отсюда следует закономерное: воспитание добра – это движение человека к Богу. Из отечественных психологов близкие точки зрения высказывает М.И. Воловикова и Л.Л. Дикевич [4], А.В. Котенева [5].

Но вот уже Мишель Фуко под духовностью понимал скорее стремление к истине, «тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в себе преобразования, необходимые для постижения истины», соответственно движение к добру здесь будет связано со спасением и деятельностью самого человека: «спасение находится между жизнью и смертью, между смертностью и бессмертием; это переход от зла к добру, из мира этого в мир иной. /.../ Спасти служит обозначением деятельности, которая осуществляется в течение всей жизни и единственным исполнителем которой является сам субъект» [6]. При этом считается, что человеческая нравственность оказывается не только идеальной категорией, в каком-то смысле она «материальна», именно в том, что существует влияние нравственного состояния человеческого общества на социально-политические, демографические и даже экономические процессы [7; 8].

Однако в психологии более распространённой является тенденция рассматривать проблему Добра в аспекте взаимоотношению между людьми, как динамику отношений Я – Другой. Как пишет В.П. Зинченко: «В духовном слое сознания человеческую субъективность представляет Я в его различных модификациях и ипостасях. Именно Я должно рассматриваться в качестве одной из об-

разующих духовного слоя сознания – его субъективной или субъектной составляющей. В качестве объективной образующей в духовном слое может выступать Другой, или, точнее Ты» [9, с. 325]. М.И. Розенова рассматривает добро в аспекте отношений любви [10]. В.И. Екимова и С.Г. Лещенко включают доброту в состав профессионально важных качеств педагога и также рассматривают её в аспекте педагогических отношений, безусловного принятия другого человека [11]. Отношения добра можно рассматривать в аспекте диалогического общения [12], становления гуманитарного образования [13], психологической безопасности образовательной среды [14; 15] развития социальной компетентности [16].

В социальной психологии добро рассматривается в связи с альтруистическим поведением человека. Альтруизм рассматривается как противоположность понятию эгоизм. Альтруизм предполагает бескорыстные побуждения человека, влекущие за собой поступки на пользу других людей. Согласно Огюсту Конту, автору термина «альтруизм» принцип альтруизма гласит: «Живи для других» [17].

Мы ранее утверждали, что добро представляет собой трудно выразимый невербальный гештальт, который при попытке его выражения теряет часть своего смысла. И любое научное определение почти ничего не значит в практическом смысле. И причины этому, мы уже отмечали: «Потому что я не берусь определить, что такое Добро с большой буквы. Есть некоторые вещи, которые человек понимает интуитивно, и интуитивно им следует. Вот, например, маньяк Чикатило – зло. Хотя, может быть, он сочинял хорошие стихи. Даже если убитый им ребенок мог вырасти новым Гитлером, который бы устроил третью мировую войну, что привела к гибели всего человечества. И большинство людей это чувствуют интуитивно. А если начать рассуждать, что логика может спокойно показать обратное. Помните историю про сороконожку, которая задумалась, с какой ноги она начинает ходить, и не смогла сдвинуться с места» [18, с. 115].

Однако добро – не единственная трудновыразимая категория в психологии. Большинство понятий, описывающих вершинный уровень развития личности, являются трудновыразимыми. Это относится к таким понятиям как счастье, справедливость, и даже интеллект. С.С. Белова обнаружила существование невербальных эталонов интеллекта, которыми люди могут пользоваться

при оценке умственных способностей другого человека, но которые почти невозможно адекватно выразить [19]. Мы в ранних работах утверждали, что в психике человека любые обобщения физических, математических, социальных и др. явлений будут существовать в виде предельных обобщений образной информации, а именно в виде – образов высших порядков [20]. Такие явление очень сложно описать словами именно потому, что они являются обобщением невербальной информации. Но сложно – это не означает невозможно.

Одним из методов, позволяющих исследовать подобного рода психические явления, является изучение социальных (обыденных) представлений.

Теория социальных представлений разработана С. Московичи. Он считает, что представления – ведущая и единственная характеристика и общественного, и индивидуального сознания. Серж Московичи утверждает, что любые формы знаний, включая науку, убеждений, идеологических взглядов – являются социальными представлениями [21]. Социальные представления обеспечивают способность человека воспринимать, делать выводы, вспоминать, понимать и придавать смысл вещам, а также объяснять личностную ситуацию. Под социальными представлениями понимают обобщающий символ или систему интерпретации, которой люди пользуются. Другое название социальных представлений – обыденные представления – это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность. Социальные представления могут относиться к любым формам социальной действительности: в обыденном сознании людей существуют представления о государстве, о власти, об отношении, о законе, о праве. И это представление в своей совокупности дают описание явления, которое трудно выразить иначе.

Таким образом, социальное представление – это специфическая форма познания социальной действительности, знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены.

В нашей отечественной практике и социальные представления предлагается рассматривать в более широком общенаучном контексте. К.А. Абульханова-Славская, ученица С.Л. Рубинштейна, определяет

социальные представления как механизм сознания личности. Она считает, что предметом мышления личности выступает социальная действительность во всей своей совокупности с сущностными и феноменологическими характеристиками (событиями, социальными процессами, ситуациями, отношениями и поведением людей), а также её жизненный путь. Личность определяет социальные представления, их возникновение, особенности, а сами социальные представления влияют на формирование личности [22].

В социальной психологии существует довольно значительное количество исследований социальных представлений о различных сторонах социальной действительности. Изучены представления детей и взрослых об умном человеке (А. Vornanen, Н.Л. Смирнова) [23], на основании которых разработана обыденная теория интеллекта [24]. Изучены социальные представления студентов педагогических институтов о научной работе [25], о правде и лжи (В.В. Знаков), моральные и политические представления (Г.Э. Белицкая, О.П. Николаева), представления о морали и праве (О.П. Николаева). Очень интересной является обыденная теория счастья и построенная в рамках её типология счастливых людей [26]. Вообще вопросы морали, нравственности, духовного развития неоднократно поднимаются в современной научной психологии [27].

Проблема добра также поднималась в рамках исследования социальных представлений. В этом направлении изучение добра представляет собой исследование обыденных представлений о добре, доброте, добром человека и т.п. В школе К.А. Абульхановой-Славской изучались некоторые аспекты добра, в частности, проводились комплексные исследования совокупности моральных, правовых, политических представлений, основных социальных ценностей личности и её представлений о собственном «Я», своей ответственности и интеллекте [28]. Исследователи обнаружили отдельные закономерности формирования представлений в отечественном индивидуальном сознании, в частности, это преобладание моральных представлений над другими, например, над правовыми [29], также моральные представления преобладают в политических представлениях.

Именно моральные представления являются базисными, основанием для формирования всей системы социальных представлений в структуре личности. «Специфика целостности социальных

представлений в российском сознании, менталитете состоит в: 1) преобладании моральных регуляторов, представлений, их вплетённости в ряде случаев в другие социальные представления; 2) существовании некоторого синкрета сознания личности, непосредственно соотносящей представление о себе, своем «Я» с обществом» [30, с. 306].

Однако, несмотря на большое количество исследований в этой области, остаются неизученными представления о добре, доброте, добром человеке и те критерии, которыми испытуемые пользуются, вынося суждение о том, является ли конкретный субъект добрым или нет.

Целью настоящей работы является теоретический анализ проведенных нами исследований: обыденных представлений о добром человеке, альтруистического поведения во взаимодействии для выделения критериев доброты.

Мы провели три исследования психологических аспектов Добра во взаимоотношениях студентов ВУЗа. В исследовании приняло несколько сотен студентов гуманитарных ВУЗов (бакалавров и магистрантов).

Целью первого исследования было выявление факторов, на основании которых студент определяет, что есть Добро в отношениях между людьми. Для этого каждому участнику исследования было предложено выбрать среди членов его студенческой группы человека, про которого он точно может сказать, что этот человек добрый, самого человека называть не надо, необходимо только ответить на вопрос, почему он считает, что этот человек добрый, и по возможности привести примеры его доброты. В исследовании приняли участие 50 человек, из них 12 отказались отвечать на вопрос в связи с тем, что не знают среди их группы настолько добрых людей. Результаты остальных мы обработали. Подробнее это исследование представлено здесь [31].

Целью второго исследования также было выявление факторов, на основании которых наши студенты определяют, что есть Добро, и какого человека можно считать добрым. Но в отличие от 1-го исследования, здесь испытуемые могли в качестве доброго человека называть кого угодно, а не только присутствующих здесь студентов. Испытуемые называли своих родственников, знакомых, друзей, известных личностей. В этом исследовании отказавшихся участвовать в опросе не было. Хотя несколько человек уточняли: «А если я не знаю абсолютно доброго человека?». Им было предложено

выбрать «самого доброго» из числа им известных, после чего они продолжали участвовать в опросе.

Третье исследование – это изучение выбора между альтруистическими и эгоистическими стратегиями современных студентов в игре «Жизнь», построенному по «Дилемме узника» и анализ их отношения к собственному выбору. Суть дилеммы в том, что человеку предлагается сделать выбор между альтруистическим и эгоистическим поведением по отношению к партнёру, каждый из пары выбор делает за себя, не зная, что выберет другой. Согласно условиям, если один из пары делает альтруистический выбор, а второй эгоистический, то альтруист значительно проигрывает, а эгоист за его счёт выигрывает. Если оба испытуемых сделают альтруистический выбор, то оба выигрывают, но незначительно. А при общем эгоистическом выборе – проигрывают оба, то тоже незначительно. На первый взгляд сотрудничать в этой игре выгодно, но поскольку каждый из партнёров опасается «предательства», то часто они «предают» первыми. Авторство дилеммы заключенного обычно приписывают американским математикам Мерриллу Флуду и Мелвину Дрешнеру, само название «дилемма заключенного» (prisoner's dilemma) дал этой игре Альберт Такер (по [32]). Для оценки стиля взаимоотношений мы разработали специальную игровую методику на "Дилемме заключенного". Игра велась в 4 хода, давая возможность испытуемым изменить стратегию, в зависимости от ходов партнёра. По игре делался вывод о том, какую стратегию каждый из участников предпочитает, а потом осуществлялось обсуждение результатов, на котором игроки рассказывали, как и почему они делали ходы, что при этом думали. Результаты конкретных исследований представлены здесь [33; 34]. В настоящем исследовании анализировались высказывания студентов относительно мотивов своей игры и своего выбора.

На основании всех этих исследований исследования мы выделили четыре критерия Добра, применяющиеся студентами для оценки другого человека: добро-деятельность, добрососедство, добродушие, добро-совестливость. Эти критерии отличались степенью обобщенности. Большинство студентов использовало в своей оценке доброты другого человека какой-то один критерий (добрым человеком является В., потому что он могут мне при подготовке к экзамену), но некоторые использовали два и (крайне редко) три критерия. Рассмотрим подробнее используемые критерии.

Первый критерий – **добро-деятельность**, или деяние Добра, чисто поведенческий критерий, обращенный к тому же на самого испытуемого. В чистом виде этим критерием пользовались **17 %** студентов. В основе своей человек, им пользующийся, ориентирован на конкретное добро. Студенты, использующие его для оценки доброты другого человека, аргументировали свою позицию следующим образом: «этот человек сделал мне конкретный добрый поступок (дал денег взаймы, помог донести сумку, дал необходимую вещь и т.п.)». Это очень прямой критерий, в котором эталоном доброты выступает поведение по отношению к самому себе. Делает этот человек добрые поступки по отношению ко мне – значит добрый, не делает – злой. Этот критерий не может быть широким, потому что применить его можно только по отношению к знакомым людям. Однако круг общения одного человека не так уж широк. Поэтому люди, последовательно пользующиеся этим критерием, не могут оценивать большинство других людей. Нет, они не считают других злыми, они просто не могут вынести относительно них какое-либо суждение. Кстати, мы полагаем, что многие из тех, кто отказывался отвечать на вопрос о добром человеке, в нашем первом исследовании, скорее всего, использовали в жизни именно этот критерий.

Второй критерий – добрососедство, при его применении студенты также ориентировались на поступки другого человека, но не обязательно сделанные по отношению к ним лично, оценивалось поведение человека по отношению к каким-то третьим людям, по отношению к учебному процессу и т.п. Этот критерий использовали **53 %** человек, т.е. в нашей выборке он был самым многочисленным. Возможно, это связано и с тем, что во многих социально-психологических исследованиях, отношение к другому выступает показателем личности самого человека. По К.А. Абульхановой, появление во внутреннем мире Другого человека (и появление внутреннего диалога как способа мышления) является свидетельством развития личности, признаком становления её «субъектом выбора», выбирающего свой путь деятельности и осуществляющего преобразование наличных условий реальности. Т.А. Флоренская рассматривала диалогическое общение с Другим как путь духовного преображения самой личности. В нашем исследовании в качестве примеров доброты фигурировали следующие: «он всегда выполняет все задания и помогает другим», «при мне он помог одной нашей девушке отнести

тяжелую сумку», «подкармливает животных» и т.п. В данном случае, как нам кажется, человек, оценивая доброту другого по отношению к кому-то третьему (хотя бы и к животным), косвенно всё равно относит это и к самому себе. Заметим, что поэтому критерием является «помог одной нашей девушке», а не «помог своей девушке», потому что на месте «одной из наших девушек» может оказаться и испытуемая, а значит, есть шанс, что этот человек при необходимости поможет и ей тоже. Этот критерий шире, чем первый, поскольку круг потенциально добрых людей расширяется за счет всех, кто совершает добрые поступки по отношению ко всем нам знакомым людям. Таких людей всегда больше, чем тех, кто делает добро нам лично. В отличие от первого критерия, люди пользующиеся добрососедством способны выносить суждение о личностных качествах однокурсниках, даже если внутри студенческой группы до сих пор отсутствовали ситуации, когда автор ответа нуждался в помощи, но он готов отнести к добрым всех, кто в принципе может помочь.

Третий критерий – **добродушие**. Этим критерием пользовались **30 %** испытуемых. Сюда мы отнесли все суждения, в которых испытуемые утверждают, что какой-то человек добрый на основании анализа черт его личности, его слов, но не его поступков. Суждения примерно такие: «всегда сочувствует, сопереживает», «помнит о всех днях рождениях членов группы, поздравляет», «мягкий, деликатный человек» и т.п. Как нам кажется, этот критерий также в своей основе опирается на возможное отношение этого человека к автору ответа. Человек – добродушный, мягкий, всегда сочувствует, т.е. на словах данный человек выражает готовность прийти на помощь, если понадобится. Это предполагает, что при необходимости такой человек поможет нам, на этом основании автор ответа и считает его добрым. Тем более, что, по мнению К.А. Абульхановой и А.Н. Славской, большую роль в выборе стратегии поведения могут играть собственно личностные характеристики человека, они считают, что хотя нравственные чувства принято относить к сфере желаемого, идеального, их формирование у ребенка связано именно со способностью к самоорганизации для реализации необходимости должного. Способность к терпению, самоограничению, привычка к добровольной дисциплине – воля, является тем исходным нравственным качеством “я”, которое затем, давая ощущение внутренней уверенности, легко позволит проявить доброту к другому [35]. Этот критерий мак-

симально широк. Его можно применять к людям, о поступках которых вообще ничего не известно, но известны какие-то их высказывания о жизни, о себе, о других членах социума.

Четвертый критерий – **Добро-совестливость** – или просто совестливость. В качестве критерий доброты здесь берутся ни добрые поступки, ни даже утверждения о намерении совершать оные, критерием доброты здесь выступают муки совести за совершение недобрых поступков. Ещё раз повторим, на основании этого критерия к добрым относят людей, совершивших плохие поступки, но раскаявшихся. Критерием доброты здесь выступает сам факт раскаяния, и только раскаяния. Если в качестве критерия доброты будут выступать поступки, в которых человек, искупая свою вину, совершил нечто хорошее для адресата, то это будет уже другой критерий.

Это очень интересный критерий, он следует из описанного нами выше принцип, что человек добра отличается от человека зла только степенью переживания по поводу «нехороших поступков». В чистом виде в описаниях наших студентов он не встречался ни разу. Никто из наших студентов не относил к добрым человека только за то, что он бы «так страдал, так страдал». Это означает, что данный критерий плохо поддаётся рефлексии, но не означает, что он не действует. В нашем исследовании в **2-3 %** случаев этот критерий использовался как дополнительный, когда студенты, кроме основного критерия (одного из 3-х), отмечали наличие «мук совести». Например, «Н. – добрый человек, он всегда мне помогает, один раз только не помог, но и то потом долго извинялся».

А вообще этот критерий люди чаще всего применяют не по отношению к другим людям, а по отношению к себе. Все изменяется, когда человек начинает оценивать свое собственное поведение. Косвенно существование такого критерия показало другое наше третье исследование. Но сейчас нас интересует несколько другой аспект поведения испытуемых. В игре по «дилемме узника» студенты разделяются на пары по взаимным симпатиям и начинают взаимодействовать, каждый акт взаимодействия может быть и альтруистичным по отношению к партнёру, и эгоистичным. За ходы начисляются баллы, соответственно, один из студентов начинает выигрывать, а другой – проигрывать. Среди выигрывающих были: 1) студенты с преобладающей эгоистической стратегией, играющие с партнёром альтруистом, 2) студенты альтруисты,

играющие с партнёрами альтруистами. Интересной была реакция студентов с эгоистической стратегией на свой собственный выигрыш. Приведём несколько характерных реакций. Бахвальство, победитель начинает смеяться над проигравшим: «он, ха-ха, думал, что я буду честно играть, а я его кинул, вот». Обида на проигравшего: «ты это специально, да, специально так играла?», хотя чего уж обижаться, ведь победил же. В общем, мы интерпретировали эти комментарии, как реакцию человека Добра (а наших студентов вне зависимости от результатов игры, мы считаем всех в той или иной степени людьми Добра), на свой собственный не очень хороший поступок. Они начинали оправдываться, даже, если оправдание выглядело как нападки на партнёра (хотя партнёру, конечно, не легче от того, что «кинувший его» человек, оказывается, испытывает муки совести).

С точки зрения развития альтруизма, все эти люди, смеющиеся над партнёром, обижающиеся на него, не потеряны для пути Добра. Воспитание Добра для них предполагает, с одной стороны, развитие рефлексии, чтобы человек мог отличать свои нехорошие поступки от хороших, от этого писал ещё П.С. Гуревич, утверждающий, что человек, совершающий плохие поступки и понимающий это, уже сделал шаг на пути Добра, в отличие от человека, совершающего плохие поступки, но искренне считающего их хорошими [36]. С другой стороны, необходимо чисто познавательное обучение студентов тому, что альтруистические поступки являются выгодными как для самого человека, так и для общества в целом. Просто выгода эгоистического поступка прямая, а альтруистического – опосредованная, и связана она с интеллектом человека. Чтобы добрая стратегия была выгодной, необходимо приложить больше ума, но ведь развитие интеллекта – одна из задач высшей школы, следовательно, умный человек может и должен решать социальные задачи с позиций альтруизма.

Эволюционная теория даже предполагает наличие специального “гена” альтруизма, который даёт его носителям определенные преимущества в жесткой эволюционной борьбе за существование. Как считают антропологи, на ранних этапах развития общества должен был существовать естественный отбор, направленный к возникновению способности ставить превыше всего интересы племени, жертвовать собственной жизнью ради этих интересов. Как писал ещё Ч. Дарвин: те общества, которые имели наибольшее число сочувствующих

друг другу членов, должны были процветать больше и оставить после себя более многочисленное потомство. По мнению Дж. Холдейна, именно отбор по “генам альтруизма” и вывел разумного человека в люди, ибо в основе возникновения Человека разумного как вида лежат альтруистические склонности, определяющие преимущество их обладателей в условиях коллективной жизни (по [37]).

Мы считаем, что пользуясь всеми этими критериями доброты, человек так или иначе в качестве эталона все равно выводит самого себя. Добрый человек – это человек, который поможет мне лично. Но критерии отличаются степенью обобщённости. Первый критерий – максимально прямой; добрым считается человек, который уже однажды мне помог, и тем самым зарекомендовал себя в моих глазах помогающим. Второй критерий более опосредованный, по сути, сводится к следующему: оценивается, приходил ли данный человек на помощь другим, таким как он, а значит, и ему готов прийти на помощь и ему потенциально. Помогал другим, значит и мне поможет. Третий критерий ещё более опосредован, оцениваются намерения. Если человек своим поведением, вербально или невербально, выражал готовность прийти на помощь если понадобится, то существует вероятность, что он действительно так сделает. И чем убедительнее человек говорит об этом, тем охотнее его принимают за доброго. Такой человек своими словами и личностными особенностями как бы обещает прийти на помощь, в том числе и мне. Четвёртый критерий – максимально опосредован. Да, добрый человек по этому критерию, вполне возможно, не совершил ни одного доброго поступка. Но он раскаялся, и чем сильнее раскаяние, тем больше вероятность, что в следующий раз (и как раз этот раз выпадет на меня) он совершит доброе дело, искупая вину.

Подведем итог. Проблема воспитания Добра – одна из базовых и в психологии, и в педагогике. Однако воспитание Добра сталкивается с не разработанностью темы из-за её глобальности. Мы считаем, что Добро относится к трудновыразимым невербальным гештальтам, который при попытке его выражения теряет часть своего смысла, однако не означает, что невозможно исследовать некоторые его составляющие. Мы провели несколько эмпирических исследований критериев Добра в психологии современных студентов. Для оценки доброты другого человека студенты пользуются четырьмя критериями: добро-деятельность (деяние добра), добрососедство, добродушие и добро-

совестливость (совестливость). Добро-деятельность, как критерий, означает, что добрый человек совершал добрые поступки в адрес того, кто выносил суждение. Добрососедство – предполагает, что добрый человек совершал хорошие поступки в адрес каких-то третьих лиц. Добродушие означает, что добрый человек обладает позитивными чертами характера: сочувствием, эмпатией и неоднократно высказал готовность прийти на помощь в случае необходимости. Добро-совестливость, в качестве критерия, предполагает, что пользующийся её человек считает добрым того, кто переживает муки совести при свершении нелицеприятных поступков. Последний критерий также подтверждается анализом литературы, в которой часто утверждается, что человек Добра отличается от

человека Зла следующим: если человек Добра совершает «нехороший» поступок, то ему делается стыдно и он начинает оправдываться, в то время как человек Зла, воспримет это, как само собой разумеющееся.

Воспитание Добра у современных студентов может осуществляться в трёх направлениях. Во-первых, это развитие рефлексии, которое поможет осознавать свои поступки. Во-вторых, это развитие интеллекта, поскольку применение добрых стратегий в поведении требует гораздо большего приложения ума, чтобы такое поведение оказалось выгодным и для самого человека и для его партнёра. В-третьих, необходимо чисто когнитивное обучение студентов выгодным альтруистическим стратегиям.

Список литературы:

1. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. М.: МПСИ, 2000. 88 с.
2. Шадриков В.Д. Способности человека. М.: МПСИ, Воронеж, НПО "Модэк", 1997. 288 с.
3. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: МПСИ, 1999. 312 с.
4. Воловикова М.И., Дикевич Л.Л. Основы нравственной психологии. Смоленск, 2005. Шадриков В.Д. Способности человека. М.: МПСИ, Воронеж, НПО "Модэк", 1997. 288 с.
5. Котенева А.В. Феномен веры как основа жизнестойкости личности // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2014. № 4. С. 32-35.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 284-311.
7. Юревич А.В. Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 3-10.
8. Орлов Л.Ф., Орлова Е.А. Социально-психологические детерминанты экономического поведения населения в условиях модернизации российской экономики // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2014. № 1(123). С. 86-89.
9. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
10. Розенова М.И. Ценность любви в представлениях современных студентов // Высшее образование в России. 2006. № 6. С. 38-47.
11. Екимова В.И., Лещенко С.Г. Позиция безусловного принятия другого как системное проявление профессионально важных качеств педагога // Письма в Эмиссия. Офлайн: электронный научный журнал. 2012. № 6. С. 1820.
12. Флоренская Т.А. Диалогическое общение как путь духовного преобразования личности // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 136-162.
13. Нечаев В.Д., Вербицкий А.А. О концепции современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 14-22.
14. Рубцов В.В., Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника // Безопасность образовательной среды: Сборник статей / Отв. ред. и сост. Г.М. Коджаспирова. М.: Экон-Информ, 2008. С. 5-11.
15. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и её влияние на субъективное состояние здоровья у студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. № 2. С. 36-40.
16. Миронова Э.С., Лаптев Л.Г. Психологические условия эффективного развития социальной компетентности молодежи // Человеческий капитал. 2015. № 1(73). С. 31-37.
17. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
18. Березина Т.Н. Смыслы жизни, добро, духовное развитие, определение их значения // Мир психологии. 2008. № 2. С. 105-116.
19. Белова С.С. Субъективная оценка интеллекта другого человека: эффект вербализаций // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследование. М.: ИПРАН, 2004. С. 39-62.
20. Березина Т.Н. Надсознательное как образование высшего порядка // Мир психологии. 2014. № 1. С. 240-253.
21. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / Ed. by R. Farr, S. Moscovici. Cambridge-Paris, 1984. P. 6-35.
22. Абульханова К.А. Социальные представления личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследования. М., 2002.

23. Смирнова Н.Л. Социальные репрезентации интеллектуальности (на примере российской выборки) // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51-60.
24. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна Вита, 1995. 150 с.
25. Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности (психосемантический подход): Дисс. ... д. психол. наук. Ставрополь, 1999. 386 с.
26. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. 2002. Т. 21. № 2.
27. Журавлев А.Л., Зинченко Ю.П., Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А. V съезд российского психологического общества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 82-91.
28. Абульханова-Славская К.А., Енакаева Р.Р. Российский менталитет или игра без правил? (российско-французские кросс-культурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. М.: ИПРАН, 1996. С. 4-28.
29. Воловикова М.И. Житейские представления о порядочном человеке. М.: РООИ «Реабилитация», 2012.
30. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общ. ред. А.Л. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2000. С. 289-314.
31. Березина Т.Н. Воспитание добра как психологопедагогическая проблема высшей школы // Alma mater (Вестник высшей школы). 2013. № 2. С. 62-66.
32. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. Basic Books, 1984.
33. Березина Т.Н. Сотрудничество и соперничество во взаимоотношениях студентов (на модели дилеммы заключенного) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Педагогика и психология». 2011. № 1. С. 75-81.
34. Березина Т.Н. Альтруистическое поведение и успех в жизни // Психология и психотехника. 2011. № 3. С. 67-76.
35. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность; Абульханова К.А., Славская А.Н. К проблеме эгоцентризма // Психология личности. Новые исследования. М.: ИПРАН, 1998. С. 104-146.
36. Ильинский И.М., Гуревич П.С. Понимание как цель образования // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 5-15.
37. Яблоков А.В., Юсупов А.Г. Эволюционное учение. М.: Высшая школа, 1989.

References (transliteration):

1. Bratus' B.S. Russkaya, sovetskaya, rossiiskaya psikhologiya. M.: MPSI, 2000. 88 s.
2. Shadrikov V.D. Sposobnosti cheloveka. M.: MPSI, Voronezh, NPO "Modek", 1997. 288 s.
3. Berdyayev N.A. O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti. M.: MPSI, 1999. 312 s.
4. Volovikova M.I., Dikevich L.L. Osnovy npravstvennoi psikhologii. Smolensk, 2005. Shadrikov V.D. Sposobnosti cheloveka. M.: MPSI, Voronezh, NPO "Modek", 1997. 288 s.
5. Koteneva A.V. Fenomen very kak osnova zhiznestoikosti lichnosti // Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti. 2014. № 4. S. 32-35.
6. Fuko M. Germenevtika sub'ekta // Sotsio-Logos. Vyp. 1. M., 1991. S. 284-311.
7. Yurevich A.V. Npravstvennost' kak psikhologicheskaya problema // Voprosy psikhologii. 2009. № 4. S. 3-10.
8. Orlov L.F., Orlova E.A. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty ekonomicheskogo povedeniya naseleniya v usloviyakh modernizatsii rossiiskoi ekonomiki // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2014. № 1(123). S. 86-89.
9. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. Chelovek razvivayushchiysya. Ocherki rossiiskoi psikhologii. M.: Trivola, 1994. 304 s.
10. Rozenova M.I. Tsennost' lyubvi v predstavleniyakh sovremennykh studentov // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2006. № 6. S. 38-47.
11. Ekimova V.I., Leshchenko S.G. Pozitsiya bezuslovnogo prinyatiya drugogo kak sistemnoe proyavlenie professional'no vazhnykh kachestv pedagoga // Pis'ma v Emissiya. Offlain: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2012. № 6. S. 1820.
12. Florenskaya T.A. Dialogicheskoe obshchenie kak put' dukhovnogo preobrazheniya lichnosti // Gumanisticheskie problemy psikhologicheskoi teorii. M.: Nauka, 1995. S. 136-162.
13. Nechaev V.D., Verbitskii A.A. O kontseptsii sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2011. № 3. S. 14-22.
14. Rubtsov V.V., Baeva I.A. Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy kak uslovie psikhosotsial'nogo blagopoluchiya shkol'nika // Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy: Sbornik statei / Otv. red. i sost. G.M. Kodzhaspirova. M.: Ekon-Inform, 2008. S. 5-11.
15. Berezina T.N. Emotsional'naya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy i ee vliyanie na sub'ektivnoe sostoyanie zdorov'ya u studentov // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2014. № 2. S. 36-40.
16. Mironova E.S., Laptev L.G. Psikhologicheskie usloviya effektivnogo razvitiya sotsial'noi kompetentnosti molodezhi // Chelovecheskii kapital. 2015. № 1(73). S. 31-37.
17. Kont O. Dukh pozitivnoi filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii). Rostov n/D.: Feniks, 2003. 256 s.
18. Berezina T.N. Smysly zhizni, dobro, dukhovnoe razvitiye, opredelenie ikh znacheniya // Mir psikhologii. 2008. № 2. S. 105-116.
19. Belova S.S. Sub'ektivnaya otsenka intellekta drugogo cheloveka: effekt verbalizatsii // Sotsial'nyi intellekt. Teoriya, izmerenie, issledovaniya. M.: IPAN, 2004. S. 39-62.
20. Berezina T.N. Nadsoznatel'noe kak obrazovanie vysshego poriyadka // Mir psikhologii. 2014. № 1. S. 240-253.
21. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / Ed. by R. Farr, S. Moscovici. Cambridge-Paris, 1984. P. 6-35.

22. Abul'khanova K.A. Sotsial'nye predstavleniya lichnosti // *Sovremennaya psikhologiya: Sostoyanie i perspektivy issledovaniya*. M., 2002.
23. Smirnova N.L. Sotsial'nye repre-zentatsii intellektual'nosti (na primere rossiiskoi vyborki) // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1994. № 6. S. 51-60.
24. Druzhinin V.N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostei*. M.: Lanterna vita, 1995. 150 s.
25. Ulybina E.V. Obydennoe soznanie v kartine mira lichnosti (Psikhosemanticheskii podkhod): Diss. ... d. psikhol. nauk. Stavropol', 1999. 386 s.
26. Dzhidar'yan I.A. Schast'e v predstavleniyakh obydenного soznaniya // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2002. T. 21. № 2.
27. Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kovaleva Yu.V., Sergienko E.A. V s'ezd rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012. T. 33. № 5. S. 82-91.
28. Abul'khanova-Slavskaya K.A., Enakaeva R.R. Rossiiskii mentalitet ili igra bez pravil? (rossiisko-frantsuzkie krosskul'turnye issledovaniya i dialogi) // *Rossiiskii mentalitet*. M.: IPRAN, 1996. S. 4-28.
29. Volovikova M.I. *Zhiteiskie predstavleniya o poryadochnom cheloveke*. M.: ROOI «Reabilitatsiya», 2012.
30. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Sotsial'noe myshlenie lichnosti: problemy i strategii issledovaniya // *Sotsial'naya psikhologiya v trudakh otechestvennykh psikhologov / Sost. i obshch. red. A.L. Svetsitskogo*. SPb.: Piter, 2000. S. 289-314.
31. Berezina T N. Vospitanie dobra kak psikhologopedagogicheskaya problema vysshei shkoly // *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2013. № 2. S. 62-66.
32. Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. Basic Books, 1984.
33. Berezina T.N. Sotrudnichestvo i sopernichestvo vo vzaimootnosheniyakh studentov (na modeli dilemmy zaklyuchennogo) // *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»*. 2011. № 1. S. 75-81.
34. Berezina T.N. Al'truisticheskoe povedenie i uspekh v zhizni // *Psikhologiya i psikhotehnika*. 2011. № 3. S. 67-76.
35. Berezina T.N. Emotsional'naya bezopasnost'; Abul'khanova K.A., Slavskaya A.N. K probleme egotsentrizma // *Psikhologiya lichnosti. Novye issledovaniya*. M.: IPRAN, 1998. S. 104-146.
36. Il'inskiy I.M., Gurevich P.S. Ponimanie kak tsel' obrazovaniya // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2006. № 1. S. 5-15.
37. Yablokov A.V., Yusupov A.G. *Evolyutsionnoe uchenie*. M.: Vysshaya shkola, 1989.